

Пауль Рикерт

Борис Викторович Раушенбах: У нас в России он известен как Пауль Эмильевич Рикерт, но это не настоящее, а, так сказать, партийное имя. Во время фашизма члены Компартии Германии, наряду с настоящим именем, имели еще и тайное, чтобы гестапо не могло понять, где кто. Ведь сразу после прихода к власти нацистов начались поиски коммунистов, социал-демократов и прочих врагов режима. Даже за границу надо было уезжать под другим именем, чтобы обезопасить себя и своих близких.

Настоящее его имя – Пауль Хальперн, он родился в Берлине 30 октября 1907 года. Отец его был каким-то чиновником, любителем выпить, кстати сказать. В общем, он ничего хорошего не вспоминал о своем отце. Но и плохого – тоже. Такое впечатление, что тот для него не существовал. Хотя, может быть, я и ошибаюсь. Он вспоминал о школьных друзьях, о каких-то делах, но не об отце и матери.

Рассказывал, что в детстве пел в церковном хоре. Не из религиозных соображений, а потому, что у него был слух, прекрасное чувство музыки и хорошо поставленный мальчишеский голос. Голос, как это часто бывает, с возрастом пропал, но с берлинским хором мальчиков он объехал всю Европу, включая Скандинавию. Поэтому он имел довольно серьезное – во всяком случае по сравнению со мной – музыкальное образование. Для меня он был величайшим знатоком музыки, хотя на самом деле это могло быть и не так.

В Берлине он окончил гимназию и поступил в университет. В студенческие годы много путешествовал по Европе. Учебу и досуг обеспечивал самостоятельно, зарабатывая репетиторством. После успешного окончания университета он остался в нем в качестве, по нашим понятиям, аспиранта и защитил докторскую диссертацию по химии, стал доктором философии очень престижного Берлинского университета.

У нас все докторские или кандидатские проходят через ВАК – аттестационную комиссию, которая следит за тем, чтобы их уровень был одинаков. А в Германии довоенной (не знаю, как сейчас) было важно – доктор какого университета? Так вот, он был доктором философии Берлинского университета, то есть очень серьезным ученым.

В Германии университеты имеют факультеты богословия, юриспруденции, медицины и философии. Самостоятельные у нас дисциплины – математика, физика, химия и так далее – там относятся к философии. Поэтому наши обычно не понимают, когда немцы говорят "доктор философии", хотя это инженер, а не философ. Но по немецким понятиям других докторов нет, со средних веков там в этом смысле ничего не изменилось.

Он защитил диссертацию и после защиты был вынужден уйти в подполье. Защищал он ее еще открыто, как Пауль Хальперн, но в подполье носил уже другое имя. Он перешел на подпольное положение сразу после прихода Гитлера к власти, потому что занимался какими-то секретными делами по партийной линии. И фашисты знали, что он не просто рядовой член компартии. Он рассказывал мне, что никогда не ночевал в одном месте два дня подряд.

Когда примерно через год подпольной жизни гестапо фактически его "вычислило" и должно было схватить, Коминтерн решил перевезти его в Союз. И поскольку тогда не было контроля на границе между Германией и Чехословакией, он сел на поезд и уехал в Прагу. В Праге он зашел в советское посольство, получил липовые документы на другое имя и под этим вымышленным именем в 34-м году приехал в СССР. Из Праги он уже ехал советским гражданином, но не отказывался от германского гражданства. Просто ему выдали советский паспорт. Это шло по линии Коминтерна, там были свои правила.

А фамилию Рикерт он получил уже здесь, в Москве. Он мне рассказывал, как пришел в Коминтерн и коминтерновские чиновники обсуждали: "Какую же тебе дать фамилию? Да у нас давно Рикертов не было!.." Это почти как у нас Петров, Иванов. Так он стал Рикертом, потому что *(смеется)* их давно не было. Под этим именем он жил, у него

рождались дети. Они носят фамилию Рикерт, хотя фактически это псевдоним. Но кто сейчас помнит, что Ленин – это Ульянов?

Когда он приехал в Москву, его спросили, где бы он хотел работать. Химики были везде нужны, и большинство на его месте отвечали: "В Москве!" Но он с детства страстно любил минералогию, в Берлине собирал коллекцию, и вообще до самой смерти его больше всего радовали камни. Он сказал: "Только на Урал!" Потому что это минералогический рай. Он думал там собирать камни, коллекции и так далее. И его направили в Свердловск.

Итак, он приехал на Урал, получил интересную работу, в свободное время занимался минералогией. Все шло хорошо, но, как это у нас (*смеется*) было принято, его посадили. Где-то в 37-м, когда всех сажали. Он приехал в страну победившего социализма, чтобы вкушать свободу, а его посадили. Для порядка, чтобы знал, что такое свобода.

Но когда он был в Германии, то знал, что рано или поздно его арестует гестапо. Ну невозможно было быть подпольщиком в фашистской Германии, чтобы тебя не сцапали! И он мне рассказывал: "Я психологически пережил и арест, и допросы, и все прочее, и точно знал, как себя при этом буду вести".

Когда его арестовали в Советском Союзе, он свою психологическую подготовку применил на практике и вел себя со следователями достаточно нагло. Как собирался вести себя с фашистскими следователями, а не так, как у нас вели себя другие заключенные. Он был очень необычным арестантом.

Продержали его под следствием 2,5 года. Никаких объективных данных против него не было, и он сам, что очень важно, ни в чем не сознавался. Называл своих следователей фашистами и орал на них. Те – не знаю почему – это сносили. Может, боялись, что он немец из Германии и могут возникнуть какие-то дипломатические осложнения?

Дело дошло до Особого Совещания – судов-то практически не было, все решала "тройка". Особое Совещание приговорило его всего к трем годам лагеря, а он уже отсидел два с половиной. И когда ему сообщили приговор, он засмеялся и сказал: "Решили оформить мою отсидку?"

В лагере он попросил, чтобы его посадили к уголовникам, а не к политическим. Не знаю, какие у него при этом были соображения. Он пришел к уголовникам, вошел в камеру, встал в дверях и "выпустил" такое количество мата, которое даже представить себе невозможно: "Я стою в дверях и ругаюсь так, как никогда в жизни не ругался". Потом, говорит, строго спрашиваю: "Кто старший?" Какой-то заключенный, глядя несколько исподлобья, отвечает: "Ну, я..." Тогда он вынимает кисет и говорит: "Закури!"

Они сели рядом и стали курить. И вся камера поняла, что его трогать нельзя. Жил он в камере с этими уголовниками совершенно счастливо, прекрасно себя чувствовал. И никто не думал, что он политический. В свое время он читал много детективов. Когда заканчивались всякие дела, его просили: "Ну, расскажи!" И он рассказывал. Что-то вспоминал, что-то сам сочинял. Все его страшно за это любили, он был для них своеобразным окном в мир из этой камеры.

Когда его спрашивали, кто он такой, он отвечал: "Я доктор". И был прав, так как являлся доктором Берлинского университета. Но все поняли, что он врач, а врачей в камерах уважают. К нему обращались с различными болячками. Как человек грамотный, он давал (*смеется*) вполне разумные советы: "Ты сегодня не ешь второе, а ты попроси аспирин" и так далее. В общем, давал медицинские советы, поскольку он доктор. Не его вина, что его неправильно поняли. Он ведь не соврал, но этим пользовался. Это он мне все с обычным своим юмором рассказывал...

Когда он пришел в "зону", у него был приличный костюм – все-таки иностранец, недавно приехавший из Германии. Он попросил, чтобы ему дали какой-нибудь самый драный ватник, а все свое сложил. И в камеру пришел уже одетый так, что даже зеки удивлялись, какой он ободраный. Когда его освобождали, он снял все эти одежды, одел свой хороший костюм и пришел попрощаться. Зеки так и попадали и сказали, что если бы

знали, что у него такой шикарный костюм, то уже давно сперли – это у них шел такой шуточный с обеих сторон разговор.

Сидел он в Онеглаге, на лесоповале. Среди заключенных были и политические, в том числе один немец из Германии, иностранный специалист. Какой-то рядовой мастер, приехавший на заработки по договору. Здесь он женился на русской девушке Наде (Надежде Леонтьевне Павловой), которая ему очень нравилась. И тут же его посадили, за что – непонятно. Дали 10 лет. А Паулю – 3. ("Потому что я ругал следователей!" – так он мне объяснял.) Этот товарищ и говорит: "Я, наверное, загнусь за эти 10 лет. А ты выходишь через 2 недели. Вот адрес моей жены, поезжай к ней. Во-первых, тебе будет где остановиться, во-вторых, расскажешь, как мы тут. Скажи ей, что я вряд ли отсюда выйду".

Пауль поехал к его жене и через месяц на ней женился. Друг там так и погиб (о нем ничего не известно), а Пауль прожил с Надей счастливую жизнь. У них были прекрасные дети, он ее страстно любил.

(Из воспоминаний Фридриха Павловича Рикерта: «Я хорошо его помню, когда он приехал из заключения. Мы быстро стали друзьями, он нашел ключи к моему сердцу. Сказки, прогулки, великолепный детский конструктор, доброе и нежное отношение к моей матери.»)

Он и Надя – это была пара! Я не знаю другой такой пары, совершенно потрясающая...

Он вышел из заключения в 1940 году, и они с Надей из Свердловска переехали в Первоуральск. Там он короткое время работал на химзаводе "Хромпик".

Мы познакомились с ним в трудармии. Я уже был там примерно месяц, когда пришел эшелон и мне сказали, что в нем едет доктор. И я, как и все, решил, что это врач.

Итээровцев сразу отделяли от простых рабочих и, по возможности, на общие работы не отправляли. Их использовали на инженерных должностях – инженеры ведь тоже были нужны. Его сразу направили в ОТК (он там работал все время, даже когда лагерь уже был распущен).

Сблизились мы не сразу, это происходило постепенно. Нас, итээровцев, в лагере было мало, мы всего один этаж в бараке занимали. Невольно начали разговаривать друг с другом. Не потому, что он интересовался мною, а я им. Встречаемся – разговариваем.

Со временем там возникали группы по интересам. Например, у нас собралась группа военных – капитаны, майоры и так далее. Их брали прямо с фронта и направляли к нам, как немцев. Эти держались вместе. Вполне естественно, потому что у них были общие интересы, общее прошлое. Точно так же вместе держались крестьяне с Поволжья. Вместе держалась и интеллигенция в русском понимании слова, то есть люди с образованием. Так и мы с Паулем в конце концов сдружились и были лучшими друзьями в этом лагере.

Мы все время ходили парой, все вместе делали. Причем он меня учил немецкому языку, я его – русскому. Что значит учил немецкому? Он открыл для меня такого поэта, как Рильке, которого я раньше не знал. А я, со своей стороны, дал ему прочесть "Преступление и наказание" по-русски. И когда он прочел, то пришел в состояние полного ошеломления и сказал: "Я читал по-немецки, но это совсем не то. В немецком переводе ходят какие-то прилизанные господа, о чем-то друг с другом разговаривают, а тут, Господи, – какой же Раскольников прилизанный господин?"

Научил меня понимать "Фауста". Он очень любил эту вещь, и мы с ним ее не просто прочитали, а продискутировали каждую сцену, каждое слово. С тех пор у меня "Фауст" стоит на первом месте во всей мировой литературе, считая и русскую. Но только на немецком языке, а не в переводах! На втором месте – "Евгений Онегин".

После войны, когда нам разрешили жить на частных квартирах, мы жили с ним в одном доме. Правда, я имел отдельную комнату, но готовила Надя и на меня. Тогда были карточки, причем иногда доходило до смешного. Карточки выдавали на мясо, масло, крупы – на все. Но на самом деле зачастую этого не было. И тогда были замены – вместо мяса или масла, скажем, можно получить сгущенное молоко. Однажды я пошел

отоваривать карточки, и ничего, кроме сгущенного молока, не было. Я принес невероятный бидон – все отоварил сгущенным молоком! И я его с тех пор есть не могу. Целый месяц жил этим молоком – и днем, и ночью, и по всякому поводу! Мне не хотелось все время ходить по магазинам, ждать, когда что-то появится. Я все за один прием получил и дальше забот не знал.

После войны Пауль съездил в Германию – там еще была жива его мать. Она была страшно поражена, когда он появился, считала, что он давно умер: "Я думала, что совершенно одинока, а оказывается, я уже бабушка и у меня давно есть внуки". Но, к сожалению, у нее был рак, и она доживала последние месяцы.

В Берлине он зашел в одно крупное министерство, потому что министром был его старый приятель, тоже коммунист. А его не пускают: "Министр занят, сегодня это совершенно невозможно!" Тогда он сказал секретарше: "А Вы напишите записку – пришел Пауль Хальперн из Нойкельна (это пригород Берлина) – и просто положите ему на стол".

Через некоторое время в бюро пропусков, где он сидел, раздается звонок – секретарша с удивлением говорит, что министр вел совещание, но когда увидел записку, поручил все заместителю, а сам вышел и просит его подняться. Этот друг тут же предложил ему занять высокий пост в правительстве ГДР на уровне министра или замминистра либо руководить любой фирмой: "У нас совершенно нет людей, кадровый голод, все кадры удрали на Запад". Но он от всего отказался.

Как он потом мне объяснил: "Отказался потому, что я уже испытал, что значит приехать в чужую страну (он имел в виду Россию). И я не хочу, чтобы мои дети испытали то же самое, приехав в Германию". Отказался от всех блестящих предложений и вернулся со своей Надей на Урал.

Работал в знаменитом Тагилстрое НКВД СССР, в лаборатории силикатных веществ, где делались различные анализы, необходимые при строительстве: почвы, глины, кирпича и прочего. И делал это все, естественно, на высоком уровне. Даже книжку написал на тему зимнего бетонирования, издал в соавторстве (чтобы напечатали) с одним своим начальником.

В 50-м году, вследствие ужесточения режима, он был уволен и целый год не мог никуда устроиться. Наконец, удалось устроиться в вечернюю школу. Преподавал химию, физику, иностранные языки (он свободно владел четырьмя языками). После смерти Сталина начались послабления режима, и в 54-м году он перешел в Нижнетагильский пединститут. Преподавал немецкий язык, химию и спецкурс по минералогии.

Как я уже говорил, он очень любил минералогию и собрал изумительную коллекцию минералов, часть которой была передана в Нижнетагильский краеведческий музей и составляет основу экспозиции по минералогии.

Кроме того, он занимался литературной деятельностью. Переводил на немецкий язык русских писателей, причем делал стихотворные переводы. Он перевел "Сказку о царе Салтане", переводил Лермонтова, Брюсова, других поэтов. Сам писал стихи. У его сына в Ростове есть тетрадка со стихами. Он очень любил Рильке, немецкого поэта начала века, и пытался его переводить на русский язык. Но я считаю, что это стоит упоминать не как творческий успех, а как его интерес.

Вера Михайловна Раушенбах: Это был необыкновенно интересный человек, очень широко эрудированный. С ним было интересно говорить на любые темы. Обычных бытовых разговоров, которые возникают при встречах со знакомыми, у нас с ним, как правило, не было. Все было гораздо глубже и интереснее.

После того, как Бориса Викторовича выпустили из "зоны", я занималась раскопками на Среднем Урале. И во всех раскопках участвовали Пауль Эмильевич и его дети. Мы были очень дружны с его женой.

Борис Викторович уже упомянул, что это была необычная семья. Да, совершенно особая. Я больше таких семей за свои 80 лет не встречала. Это не только потрясающая

любовь, но и глубокое взаимное уважение. Его супруга, Надежда Леонтьевна, – удивительный человек, с необыкновенным чувством юмора.

Жили они в Тагиле – невозможно передать, в каких трудных условиях. Во-первых, у них ничего не было. Во-вторых, питались они более чем скудно – редька и хлеб. Мы все голодали во время войны, всем было тяжело. О чем люди говорили, когда встречались? О том, как трудно и как хочется есть... Надя сварит какую-нибудь баланду. Пауль съест: "Надюшенька, милая (поцелует ей ручки), все было необыкновенно вкусно, совершенно замечательно!"

Потрясающее отношение к жене, я такого больше никогда не встречала. Это было очень приятно. Мы-то, как правило, видим вокруг другие отношения: и хамят, и ругаются, и все что угодно. А здесь любовь и необычайно высокий уровень дружбы. Это держалось на его исключительной воспитанности и, с другой стороны, на необыкновенном чувстве юмора Нади. Нечего было есть, но она никогда не стонала, не ныла. Всегда все со смехом, с улыбочкой.

Когда их выпустили на поселение, то Борис Викторович у них и жил. Вместе переживали все трудности, вместе хлебали эту баланду, которую Надя умудрялась готовить.

Когда они поехали в Германию встретиться с мамой, то заехали к нам в Москву. Мы были в ужасе. Мы и сами не блистали, но... Выяснилось, что у Нади одно-единственное платье, штапельное. Другого у нее просто не было. Пауль – в заштопанных брюках, других тоже не было. Отпускать их в Германию в таком виде – только (*смеется*) позорить Родину. Тогда мы с Борисом Викторовичем подзаяняли денег и купили Наде шерстяное и шелковое платья, туфли, Паулю – костюм, рубашку... и отправили их.

А дальше случилась такая история. Надя – она всю жизнь нуждалась – всегда все сэкономила. Поэтому они решили новый костюм, который мы купили Паулю, и ее новое платье положить в чемодан, а сами отправились в старом. Приехали в Берлин, а их багаж, по русскому разгильдяйству, отправили в Варшаву. Мы-то думали, что они предстанут перед матерью в новой одежде, люди как люди, а они – штопаные-перештопанные... И только когда они возвращались обратно, то нашли свой багаж, который вернулся из Варшавы.

Они воспитали трех сыновей – Фреда, Игоря и Бориса (в честь Бориса Викторовича). Старший сын – Фред, Фридрих Павлович Рикерт, сын Нади от первого мужа, живет в Ростове, работает научным консультантом в одной фирме. Младшие остались в Нижнем Тагиле. Один по стопам отца стал химиком, другой получил металлургическую специальность. Но у Игоря не получалось с работой – гроши какие-то зарабатывал, ушел в милицию, причем не будучи членом партии.

Пауль так хорошо воспитал их, что и Фред, и Игорь отличаются не только его пунктуальностью, но и невероятной честностью. Поэтому Игорь, работая в милиции, из-за своего характера всегда был на каких-то низших по чинам местах.

Борис Викторович: Не знали, куда его девать. Человек, не берущий взятки, – это ж чудо, аномалия! Его поставили, чтобы он никому не мешал, на совершенно бессмысленную в тех местах работу – ловить фальшивомонетчиков, а если в Тагиле вдруг появятся фальшивые купюры – начать расследование. Это был способ отстранить его от всех дел.

Вера Михайловна: Потом его перевели в железнодорожную милицию, и там он дослужился, по-моему, до чина майора. Сейчас он уже на пенсии и преподает в школе милиции.

А третий сын, Борис, – такого неугомонного плана. Он все время что-то начинает, у него рушится, рассыпается, но он тут же начинает что-нибудь новое.

Когда Пауль умер, Надя приехала к нам и жила у нас полгода. В это время у нас на даче гостила после тяжелейшего гипертонического криза сестра Бориса Викторовича, и

они жили здесь вместе с Надей в маленьком домике. Но Надя недолго прожила после этого...

Когда Игорь женился, они жили с невесткой в одной квартире. Где бы Вы видели, чтобы невестка обожала свою свекровь, "молилась" на нее? А свекровь не знала, какую пылинку сдуть со своей невестки. Это все я отношу на счет потрясающего Надиного характера. Никогда никакого нытья, никакого огорчения, только улыбки и юмор. По всякому поводу она находила, что сказать, чтобы это было смешно и забавно.

А что касается минералогической коллекции Пауля Эмильевича, то это слабо сказано, что она хороша. Это совершенно необыкновенно, сколько он собрал. Часть он передал в Нижнетагильский музей, но дома еще в три раза больше: отдельная комната, сплошные шкафы с ящиками, все аннотированы, все с бирочками, с номерами.

Недавно был Фред и рассказывал, что звонил Игорь, который все это продолжал и берег, и советовался: "Как быть с коллекцией?" Их дети – внуки Пауля Эмильевича – этим уже не интересуются. И они договорились, что всю эту огромную коллекцию передадут в музей.

Эдуард Бернгардт: Он был коммунистом в Германии, причем, как говорят, идейным. Там, в Германии, он пытался создать идеальный, с его точки зрения, порядок. Раз он приехал сюда – значит в его сознании Советский Союз был таким идеалом. Как он перенес развенчание своих иллюзий?

Борис Викторovich: Нет-нет, у него был правильный образ. Он мне рассказывал, что еще в Германии они с приятелем, который тоже был коммунистом, называли Советский Союз не иначе как "Великое говно". "Die große Scheiße" – так это звучало по-немецки. Дело в том, что в Германии его, условно говоря, ждала виселица, ему надо было быстро уносить ноги. Он вынужден был уехать, но куда? Пришлось поехать в это "Великое говно" и погрузиться в него по шею. Так что никаких иллюзий на этот счет у него не было.

У него другая иллюзия была: Германия должна быть социалистической – так они все во главе с Тельманом считали. Он считал, что нацизм – это не то, что нужно Германии. Был ярый антифашист, причем после прихода нацистов к власти продолжал эту работу. Подробно он не рассказывал, но это были такие дела, что не дай Бог.

Например, однажды надо было передать какой-то совершенно секретный материал в Советский Союз. Это передавалось таким образом. Он одолжил у знакомого шикарный костюм. Получил партийные деньги (огромную пачку), которые он обязан был потом вернуть, за исключением какой-нибудь мелочи. Сел в самую шикарную машину, подъехал к шикарному ресторану. Портье видит, что из машины выходит прекрасно одетый господин, щедро платит чаевые и что в портмоне у него тысячи марок. И Пауль беспрепятственно проходит в ресторан. Там он в конце концов приглашает на танец некую даму и во время танца передает ей секретное донесение для Советского Союза. Она прячет его в свой лифчик и дальше все идет по своей линии. Вот такие вещи он делал.

Пауль был там на очень серьезной работе. По-видимому, он был нашим секретным агентом в Германии, наряду с тем, что был коммунистом. В общем, ему там оставаться было нельзя. Он знал, что едет в страну "Великого говна", но деваться было некуда. И политикой он здесь уже не занимался. Решил, что будет заниматься наукой – "и пошли вы все к черту"! Он считал, что у нас во главе страны стоят люди, скажем так, "не перший сорт". Был очень низкого мнения о наших руководителях и решил вести здесь жизнь нормального мещанина.

Бернгардт: Самая лучшая жизнь.

Борис Викторovich: Да, самая лучшая – делать свою работу, в политику не влезать. Когда его посадили, Коминтерн автоматически исключил его из партии. Потом, когда кончилась война и его выпустили, остатки Коминтерна, пытавшиеся воскреснуть, предложили ему подать заявление на восстановление в партии. Причем они гарантировали ему, что он будет восстановлен. Он ответил: "Вы меня исключали, вот вы и

восстанавливайте. Я писать ничего не буду!" Но по каким-то бюрократическим правилам сделать это было нельзя. Хотя многие подавали заявления на восстановление и снова получали членство в Компартии Германии, он оставался до конца дней беспартийным.

Его практическая партийная деятельность в Германии и СССР привела его к убеждению, что это занятие недостойно "белого человека", как говорится. Это место, где собирается всякое жулье и сволочь, что соответствует понятию "какократии" у Германа Оберта.

Бернгардт: Вы сказали, что при встречах говорили о возвышенном. О чем конкретно – о политике?

Борис Викторович: Нет, конечно! Это были литература, искусство, наука.

(Из воспоминаний Фридриха Павловича Рикерта: «В 1947 г. наша семья состояла из 5 человек. Кроме меня и родителей еще двое братьев: Игорь – 1941 г., и Борис – 1947 г. Год был тяжелый. Самое яркое воспоминание – постоянное желание поехать и удивительные вечера, когда за год отец рассказал нам с мамой фантастический роман Курта Ласвица “На двух планетах” и немецкий эпос – “Кольцо Нибелунгов”, “Зигфрид”...»)

Вера Михайловна: Помните, раньше в каждом номере "Огонька" была репродукция какой-нибудь картины? Они подбирали из этих "Огоньков" репродукции картин одного художника, вырезали и клеили их на стены (жили в деревянном домишке, обшитом фанерой). По этим репродукциям Пауль читал лекции детям и Наде про этого художника. Потом был следующий художник и так далее.

Это я отлично помню, потому что каждое лето приезжала туда в экспедицию со всей своей командой. Нас приезжало человек по 15 – мои помощники, студенты, ученики старших классов. Был такой табор, вповалку спали, Надя варила нам пшенную кашу. И семья все это терпела.

Он хорошо знал музыку, своим ребятам о композиторах рассказывал. Когда я со своей командой приезжала, – у меня там хватало 15-16-летних "недорослей", – он им рассказывал о музыке, живописи, композиторах, художниках.

(Из воспоминаний Ф.П. Рикерта: «Появление долгоиграющих пластинок стало настоящим переворотом в общении интеллигенции глубинки. Лингвист Г.А. Ратнер, директор библиотечного коллектора, создал коллекцию из нескольких тысяч уникальных записей со всего мира – лучших исполнителей, симфонических оркестров. Два раза в месяц музыкальные вечера в дворцах культуры металлургов и вагоностроителей. Отец и мать их посещали непременно, мы с ними. Для узкого круга близких знакомых Ратнера – дополнительно, у него дома, самые новые поступления в его личную фонотеку.

В 1957 г. нашей семье дали благоустроенную трехкомнатную квартиру. Общение с друзьями и знакомыми приобрело новое качество. Отец, наряду с прослушиванием уже богатой собственной фонотеки, часто музицировал за фортепиано, присланным из Германии после смерти его матери – Иоганны Хальперн.»)

Борис Викторович: Он мне как-то подарил книжечку своих стихов, она у меня до сих пор хранится. Рукописная, сам брошюровал, переплетал, все очень аккуратно. Правда, на паршивой бумаге – для обжига кирпича.

Стихи писал только на немецком. Писал о разном, такая свободная лирика, причем стихи были подражательные. Вот как у нас – подражание Пушкину, Лермонтову и так далее.

Он подражал Рильке, который любил Россию церковную, православную, потому что был поэт мистико-религиозного склада. Один из лучших сборников его стихов так и называется – "Часослов" ("Stundenbuch"). Есть стихи, посвященные Троице-Сергиевой лавре, о киевских пещерах и так далее. Пауль его очень любил и привил эту любовь мне.

Когда я уехал, он остался на Урале. У него же там были семья, дети, работа. Я-то ведь в Москву уехал на работу, а он на Урале и работал – сначала вольно, потом как

заклученный и снова вольно. Поэтому ему ни к чему было уезжать, да и невозможно – из-за режима спецкомендатур.

Бернгардт: Он перезащищался здесь?

Борис Викторович: Нет. Он жаловался мне, что у него нет документа о защите, потому что он защитился буквально накануне нацистского переворота. Только успел оформить все формальности, но не получил документы на руки, как должен был перейти на нелегальное положение.

Это можно было восстановить только по архивам. Он сначала этим занимался, а потом плюнул на это дело. И правильно сделал, потому что это ничего не меняло в его положении здесь, в Союзе. Ну, получил бы он эту бумажку из Берлина, а у нас в России она никакой силы не имеет.

Он был человек, который не стремился к какому-то официальному признанию. Ему достаточно было, что его признавали друзья, сослуживцы и прочие, вот это и было для него главным.

Это был прекрасный во всех отношениях человек, но, к сожалению, он рано умер.

* * *

Из воспоминаний Ф.П. Рикерта: «В морозные дни конца ноября 1971 г. его не стало. В глухой деревушке ему никто не объяснил, что во время инфаркта надо лежать смирно, и он все бодрился. Могилу с трудом вырыли на старом кладбище в Фокинцах, в лесу на угоре, откуда далеко-далеко видны прекрасные дали Урала.»